

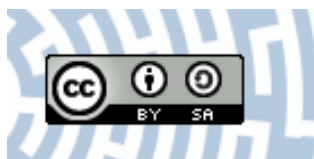
**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: "Gady" i "ryby" akwariumnogo otobrażeniâ : vzaimnaâ obuslovlennost' i svâzannost' obraznyh komponentov

Author: Piotr Czerwiński

Citation style: Czerwiński Piotr. (2020). "Gady" i "ryby" akwariumnogo otobrażeniâ : vzaimnaâ obuslovlennost' i svâzannost' obraznyh komponentov. "Zoophilologica" (2020), nr 6, s. 465-486.

DOI: 10.31261/ZOOPHILOGICA.2020.06.29

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersytet ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

PIOTR CZERWIŃSKI

 <http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Силезский университет в Катовице

Гуманитарный факультет

‘Гады’ и ‘рыбы’ аквариумного отображения (2)

‘Gady’ i ‘ryby’
z perspektywy akwarium (2)

Streszczenie

Na przykładzie symboliki akwarium zawartej w sennikach wprowadzane są i określone cechy, właściwe dla odbioru i odczuwania tak zwanych obrazów imaginatywnych, obrazów charakterystycznych dla wyobrażania, odczuwania, przeżywania i uświadamiania, konceptualno-oceniających i sensorywnych w swojej istocie wrażeń. Prezentowane są założenia powiązane z obserwacją obiektu, jak również przebywaniem, znajdowaniem się w nim (dotyczy akwarium). Określone są cechy, które zarówno oddzielnie, jak i wspólnie charakteryzują omawiane stany. Tytułowe gady i ryby na podstawie przytoczonych interpretacji w sennikach są, z jednej strony, elementem wypełniającym akwarium i projekcją jego pozytywu (negatywu w aspekcie ich braku). Z drugiej strony, w sposób niewidoczny, lecz odczuwalny, wchodzi w relację z obserwującym je w akwarium podmiotem, a następnie znajdującym się w nim człowiekiem, po części w pewnym stopniu utożsamianym z owym podmiotem. Wszystko to razem, charakteryzując semantykę omawianych obrazów (akwarium oraz gadów i ryb w nim), stanowi

‘Reptiles’ and ‘Fish’
from the *Fish Tank* Perspective (2)

Abstract

Based on the fish tank symbolism in the dream books some features are derived and determined. These features are typical of the reception and feeling of the so-called imaginative pictures which are typical of imagining, feeling, experiencing and realizing of the conceptual-assessing and sensitive impressions. The assumptions connected with the observation of the object, as well as with being there (i.e. in a fish tank), are presented and discussed. These are the features which are determined both separately and mutually and they describe the states in question. The reptiles and fish (mentioned in the title), according to the interpretations quoted, are both the element which fills up a fish tank and the projection of its positive character (or a negative one in the case of its absence). On the other hand, in a non-visible but perceptible way they become involved with the subject that is observing them in a fish tank and then with a human being and that human being is to some extent identified with that subject. All those elements mentioned above, together with the characterized semantics of

klucz do zrozumienia i wyjaśnienia zdolności ludzkiej świadomości do przeniesienia samego siebie na inny byt, z interpretacją świata widzialnego, jak i niewidzialnego, i przez siebie przeżywanego.

Słowa kluczowe: świadomość językowa, semantyka, obraz, percepcja, akwarium, płazy i ryby

those images (i.e. a fish tank with reptiles and fish inside), are the key to understanding the way the human consciousness is able to transfer itself into another existence, with the interpretation of the visible and non-visible world as experienced by the human.

Keywords: language mentality, semantics, imaginative picture, perception, fish tank, reptiles and fish

Взаимная обусловленность и связанность образных компонентов

Для дальнейшего¹ уточнения сказанного относительно разбиравшегося имажинативного образа аквариума, появляющегося во сне, в том или ином возможном для себя сопровождении, обозначенном и охарактеризованном на основе приведенных цитат, обратимся к еще одному толкованию того же или не того же 'аквариума', видящегося во сне.

Марлена Кжижостаняк в своем *Соннике. Символы и сновидения* так определяет разбираемый образ:

Аквариум → *Вода*, → *Рыба* – отказ от действительности, отгораживание; добровольная либо вынужденная изоляция. Аквариум обращает внимание на подавление эмоций, твоя эмоциональная жизнь прекрасно спланирована и продумана. Рассудок, однако, не поможет тебе сдерживать убегающей воды, когда аквариум, в конце концов, треснет и твои чувства, совершенно не контролируемые, выйдут наружу².

Аквариум в этом случае прямо и непосредственно связывается с представлением об отделении себя от окружения, от других, и будет, тем самым, примером рассмотренного перед этим *сепаратива*. Отличие от предыдущего толкования достаточно очевидно. Речь не идет о том, что «мы сами плаваем в аквариуме», и потери, если и можно их так трактовать, затрагивают не столько утраты чего-либо важного для существова-

¹ Статья представляет собой переработанный вариант одного из фрагментов монографии автора *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь 2015, и является продолжением первой статьи с тем же названием (см. «*Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*» 2019, № 5, с. 15–33).

² М. KRZYŻOSTANIAK: *Sennik. Symbole i marzenia*. Wrocław 1998, с. 14. Перевод с польского здесь и далее мой – П.Ч.

ния, сколько выхода из-под контроля сдерживаемых до этого, подчиняемых рассудку, упорядоченных эмоций и чувств. Аквариум в разбираемом случае прямо связывается в предлагаемом толковании с эмоциональной сферой, которая выглядит огражденной, закрытой для проникновения остальных, для контакта и взаимодействия с ними. Определяющим для подобного толкования будет, следовательно, представление о конфигуративе имажинативного образа, проявляющем себя в том, что аквариум воспринимается как вместилище, ограниченное четырьмя прозрачными стенками от всего остального.

В этом смысле аквариум можно истолковать как миниатюру существования, своей прозрачностью вводящей в соблазн проникания внутрь, наблюдения, отмечающего, что нечто, имеясь внутри, существует, движется и живет, но это нечто отделено и поэтому для непосредственного контакта и взаимодействия недоступно. Мир этот изолирован, замкнут и существует подобием «вещи в себе». Не будь этих прозрачных, позволяющих видеть внутренность, стенок, его восприятие было бы совершенно иным. Достаточно взять для примера какой-нибудь, также со всех сторон ограниченный, ящик, коробку, с открытой, позволяющей внутрь заглянуть, или закрытой крышкой, подобного не позволяющей, и отношение к образу будет другим. Побуждение заглянуть и заглядывание, с одной стороны, либо желание узнать, что внутри, с другой, не будут связываться с представлением об отделенном и обособленном существовании того или тех, что находятся там. Все это будет связываться с чем-то другим.

Интерес, возможность либо невозможность узнать, вытесняя идею экзистенциальной отдельности и изолированности, отделенности находящегося внутри от всего остального, от того, где находится наблюдающее, интересующееся и познающее «я», будет вызывать допускаяемым впечатлением удивление (*Ну надо же, что там внутри!*). Удивление будет связываться с представлением об одушевленной либо неодушевленной предметности, с соответствующим сопровождением, в зависимости от ожидаемости либо неожиданности, обнаружить то и такое там, что может внутри находиться. Это будет, в конечном итоге, любопытствующий интерес, не удовлетворяемый, в случае невозможности видеть, сопровождаемый эмоцией неразрешимости и скрываемой загадки. Замкнутость, но совершенно иного рода, которая ближе к идее лишения свободы и содержания в неволе с чьей-либо, представляет смысл добавить, стороны, появится в случае, если в такой коробке с непрозрачными стенками находится будет живое какое-нибудь существо.

Особенность аквариумной изоляции, заключающаяся в прозрачности стенок, не предполагает подобного представления. Мысль о лишении выбора и свободы находящихся в нем замещается впечатлением экзистенциальной миниатюры и самодостаточности. Существующее внутри дви-

жется и живет, не проявляя признаков утраты, лишения и обойденности, оно движется и живет вне всего остального, вне связи с ним и в себе самом. Это некая отделенная самостоятельность, в принципе не ущербного, пребывания, во всяком случае не думающего так о себе и довольствующегося собой. До поры до времени, как показывает и допускает поэтому продолжение, пока стенки не треснут и пока есть в нем, в аквариуме, вода.

Необходимо добавить, продолжая сказанное, что если в предыдущем определении аквариум выглядел как сосуд с рыбами или гадами в нем либо пустой, либо в котором плаваем мы, то в данном случае ничего такого о нем не содержится. Можно бы было сказать, что это аквариум как таковой, т. е. любой аквариум, допускающий любые возможные для себя проявления, которые могут, хотя и не обязательно, предполагать вводимые как контекстные и расширяющие своим дополнением толкования, уточняющие и распространяющие приводимое толкование как основу. Предположим, что это так. Можно также предположить и другое. То, что описывается, что говорится о нем, будет иметь отношение к аквариуму не столько как таковому, сколько к аквариуму в наиболее типичном о нем представлении. Речь идет, таким образом, о домашнем аквариуме с рыбками, наполненному по этой причине водой. «Я» наблюдает, видит аквариум, для него наиболее привычный, в его типическом для себя представлении. Остановимся пока что на этом, с тем чтобы в результате предполагаемых далее рассуждений решить, какой из видов аквариумов – инвариантный либо типический вид-вариант, будет более подходить или, если точнее, мог бы более подходить под представленное в толковании определение.

Итак, «я» видит какой-то аквариум, который, в конечном счете, указывает на его, этого «я», эмоциональную изоляцию и отказ от действительности. Оставим пока без внимания налагаемые толкованием проецируемые последствия отмечаемой изоляции, когда аквариум, в конце концов, треснет, поскольку это, по-видимому, не то, что образом себя объявляет во сне. Обратимся к тому, что содержится как отсылка, долженствующая, связываясь с аквариумом, уточнять, проясняя его вероятные аспектуальные, как можно предполагать, расширения. Речь идет об образах, заключаемых в представлениях воды и рыбы. Аквариум, в имажинативном своем отражении, как сновиденческий образ, следовательно, не существует вне вписывающих его в себя контекстуальных, ассоциативных и взаимосвязанных смыслах рыбы-воды – воды с рыбами и рыб (рыбы) в воде.

Аквариум – вода – рыба, с одной стороны, можно воспринимать как единство, некое имажинативное целое, совместность по типу подземного замка в сказке у братьев Grimm³, в котором музыка, танцы, питье вина

³ Речь идет о сказке *Die zertanzten Schuhe* (BRÜDER GRIMM: *Kinder- und Hausmärchen*. Stuttgart 1997 [Göttingen 1857]. № 133), *Стоптаннные туфельки* в русском переводе (Братья Гримм. *Сказки*. Перев. с нем. Г. ПЕТНИКОВА. Москва 1978. *Растапанцованные туфли*, если

(вино), кубки и пр. составляют с ним, с этим замком, единое целое. Замок не может в таком своем представлении без всего этого существовать, том представлении, которое можно воспринимать и как его предидирующую атрибутику, и как то, чем он есть, в чем он есть и без чего быть не может. С учетом того значения, которое ему следует приписать. В первом случае атрибутивность предполагает несамостоятельность и подчиненность предметов и действий замка их «замковому» пребыванию-бытию, и тогда их значения, если о таковых приходится говорить, будут следовать из этого их состояния и отношения, проецируя «замковые» значения для себя. Во втором об их атрибутивной, относительной самостоятельно несамостоятельной, подчиненности не приходится говорить, полагая, что смысл и значение замка как целого есть его смысл и значение целого вместе с ними и через них. Не будь в этом замке всех этих «замковых» его, как неотъемлемых, действий-предметов (также неразложимых – как не существует вино вне кубка и вне его выпивания до дна, и поэтому кубок с вином и без вина, выносимый наружу, то же, но и не то же, поскольку лишь отпечаток, свидетельство его *того*, но не оно *там* и *то*; как не может быть танца без тех, кто танцует, и разбиваемых туфель без принцев-принцесс в момент разбивания, – для восприятия замка, необходимо добавить, того восприятия, о котором речь), – не будь всего этого в нем и с ним, это не был бы ‘замок’, который видится и о котором повествование в сказке у братьев Grimm.

С другой стороны (возвращаясь к аквариуму), воду и рыбу можно воспринимать не входящими, не составляющими единого образа с аквариумом, видящимся во сне. Они выступают по отношению к этому образу как уточнители, своими теми или иными значениями, позволяющими лучше понять и представить то, что содержится в толковании. Не исключено, что именно это в нем и имелось в виду, но не для проверки данного как наиболее вероятного впечатления, а для более полного представления имажинативного образа, его вида и смысла, рассмотрим обе таких возможности.

буквально), – подробно и в соответствующем ключе рассмотренной в указ. монографии автора (с. 13–40). Читателя, интересующегося литературой предмета, также отсылаем к тому же источнику. Поскольку объектом данного рассмотрения был небольшой фрагмент, обусловленный представлением аквариума для сознания на основе толкования образов сновидений, автор не видел необходимости углубляться в различного рода аспекты проблемы, находящие свое, не подробное и не связанное к тому же, отображение в научной литературе, что заняло бы только место и мало что дало бы для понимания того, о чем, собственно, речь.

Единое (целостное) и разложимое восприятие образов

В первом случае вода и рыба, как уже говорилось, будут составлять с аквариумом единый, целостный, образ видимого во сне. Как неотъемлемые его атрибуты, с одной стороны, и как то, без чего он не будет тем самым аквариумом, с другой. При представлении как первого, так и второго можно, учитывая, предполагать различные способы восприятия. Можно, по крайней мере, их таковыми предположить. «Я» воспринимает образ как неразложимую в своем составе, слитную, совокупность целого. Скажем, я вижу что-нибудь или кого-нибудь, дом, знакомого человека, улицу, не задумываясь, не воспринимая, «не видя», поскольку не отдавая себе отчет в том, что при доме том такой и такой палисад, что деревья, дорожки, ворота есть и что они такие-то, что знакомый мне человек одет так и так и такую имеет прическу, что он держит зонтик или портфель, что прихрамывает, а улица выглядит так-то и так-то, обсажена тем-то и тем-то и т.п. И я вижу тот же дом, того же знакомого мне человека, ту же улицу, замечая и отмечая внутри, для себя, их составляющие и характеризующие признаки и черты, не обязательно, впрочем, при этом как их выделяющие особенности.

Во втором таком случае вода и рыба, имея опосредующее (*медиумное*) отношение к аквариуму, в каких-то аспектуальных своих проявлениях будут его, объявляющее себя во сне, значение в каком-нибудь направлении уточнять. Характер этих, аспектуальных для воды и рыбы, направляющих в отношении аквариума, уточнений будет зависеть (по крайней мере, для разбираемого толкования) от того, что можно найти для него подходящим при определении тем же автором воды и рыбы. Для начала, с тем чтобы, оттолкнувшись от этого, попробовать эти их направляющие для аквариума значения (подзначения) в том и ином случае из перечисленных применить.

Итак, перед нами стоит задача, рассмотрев аспектуальные проявления для воды и рыбы, 1) увидеть их действие как уточняющее для понимания аквариума в имажинативном его впечатлении (для случая, определяемого как второй); 2) представить и описать их (для первого взятого нами случая) как неразложимое, воспринимаемое как единое целое имажинативного образа 'аквариум с рыбами и водой', так, чтобы а) не было впечатления одного, другого и третьего, т. е. рыбы, вода, аквариум не виделись бы как части объединяющего их состава, но как не разделяемая целостность; б) то, что видится как единое целое, можно было бы внутренне, разделив, обособить, обращая внимание, фиксируя для сознания как значимое то, как выглядит и каким предстает аквариум, какие в нем плавают рыбы

и, возможно, каким числом, какая и до какого уровня в нем налита вода и т.п.

Обратимся для представления того и другого, второго с его (а) и (б) и первого, к тому, как интерпретируются ‘вода’ и ‘рыба’ в *Соннике* Кжижостаняк, с тем чтобы постараться связать эти ее толкования с представлением ею ‘аквариума’, увидев их таким образом «впечатленные» отражения в нем. Достаточной будет только та часть толкования, которая связывается с интересующим нас предметом, поскольку начало, будучи общим определением того и другого, может давать лишь такой же общий, хотя бы и направляющий, толчок:

Вода → *Корабль*, → *Река*, → *Нырять*, → *Слезы* – начало всего, *materia prima*, из которой появился мир. [...] В психоанализе вода выступает как отражение мира эмоций, подсознательного знания, мудрости, которой следует научиться пользоваться⁴.

Рыба → *Зодиак* – богатая и разнородная символика рыбы ведет к тому, что ты должен, если она приснится тебе, основательно проанализировать все подробности, которые с ней были связаны. [...] В психоанализе рыба как существо, живущее только в воде, являет собой наиболее полный символ проникновения подсознания. Во сне является воплощением спящего и его путешествия вглубь самого себя. [...] Во сне, согласно с народно-фольклорной интерпретацией, означает исполнение наиболее скрытых мечтаний, если видишь ее плывущей в твою сторону. Мертвая рыба предостерегает перед неприятностью, а золотая предсказывает удачу⁵.

Первичная материальность воды, пронизывающей собой все существующее, создавшей все существующее и присутствующей в нем, с одной стороны, соотносится далее со сферой эмоций и подсознания, интуицией и скрытым знанием, которого на поверхности нет, о котором сновидец не подозревает, особенно будучи наяву, но которое способно ему подсказать, показать, научить и наставить. При соответствующем умении следовало бы добавить, с другой своей стороны, и готовности им воспользоваться, неявным, скрытым образом, данным ему, существующем в нем как неосознаваемое, неподконтрольное и, в метафизическом смысле, первичное и изначальное. Это то, что следует для разбираемого нами предмета, для ‘аквариума’, от ‘воды’. Попробуем все это далее, то и другое, в какое-то общее представление объединить.

От рыбы нам остается идея проникновения из подсознания и вглубь подсознания, предполагая возможность движения, открытость связи и перехода туда и сюда. Рыба связывается также со сферой экзистенци-

⁴ М. KRZYŻOSTANIAK: *Sennik. Symbole i marzenia...*, с. 152.

⁵ Там же, с. 123.

онального достижения того, что невидимо, скрыто, не объявляемо, либо воспринимаемая сознанием как недостижимое, а потому, возможно, и вытесненное, либо являясь как неизвестное и поджидающее, способное произойти. То, что ждет, что являет собой заряд утаенного для себя эмоционального прошлого, равно как и не раскрытого, не проявившего себя в настоящем пока еще будущего. В том и в другом своем отношении она, т. е. рыба, выступает как проникающее, пронизывающее и связывающее, входящее в эти сферы посредствующее начало, равно как и выходящее, выплывающее наружу, навстречу из них.

Рыбу, тем самым, в указанном восприятии можно интерпретировать как медиативное воплощение «я», ту не осознаваемую им часть себя, которая способна вводить, подключать его к сферам его же неявного или еще не проявленного, выходя, выплывая, выныривая из них, с одной стороны, и вводя, вplывая и проникая в них, от него, с другой. В этом смысле и отношении рыбу можно было бы воспринимать как рецепторный орган, «око» распознавания и постижения того, что невидимо, что в подсознании, в глубине и внутри, а также того, что себя еще не объявило. «Око», которое, открываясь (выплывая навстречу), дает возможность увидеть то, что не ощутимо, не представляемо и не осознаваемо без него.

При таком понимании рыба не есть воплощенное «я» и не какое-то отвлеченное от этого «я» начало, медиативно-связующее и вводящее его внутрь себя самого либо к своему не проявившему пока что, но полагаемому уже в настоящем, будущему. Рыба есть его собственный спящий, в обычное время и в обычном своем состоянии, глаз, его проникающий орган, с той особенностью, что равным образом как оттуда сюда (возможно, что это первое), так и в обратную сторону, т. е. туда отсюда. И как такое око, как глаз, рыба вполне понятным и естественным образом не просто связывается с водой или следует из воды, но и вplывает и выплывает, будучи преисполнена и наполнена ей, выступая ее проявлением для сознания и в сознании, ее в нем представительством и ипостасью. Рыба не для воды, но в воде, из воды и с водой, есть та же вода, но как видящий свою «воду» орган, себя только с ней, с ее помощью распознающего «я».

В соединении, 'рыба с водой в аквариуме', как имагинативный образ целостного, не разложимого восприятия, как 'рыба-вода-аквариум', следует интерпретировать в том отношении, что эмоции и подсознание в первозданной мудрости непреходящего знания, «разлитого» во вселенной, для «я» в его устремлении к ним, в его по этой причине плавающем, колебательном пребывании в них, – находятся в ограниченном и огражденном положении (*situs'e*) от всего остального. Не то, чтобы устремлении, что стоило бы добавить, поскольку рыбы в аквариуме типично плавают, никуда не стремясь, а «наплывание» их в сторону наблюдателя весьма

специфический случай, сколько в таком представлении человека о них, его в их таком восприятии.

Поясним теперь сказанное, его несколько распространив. Аквариум предстает как ограничитель, «миниатюра» собственного эмоционального существования «я», которая создана им самим, искусственно ограниченная и отделенная им от всего остального. Понять подобное можно, соотнеся с идеей, заложенной изначально в аквариуме как в артефакте, т. е. предмете, созданном и имеющем назначение. Аквариум воспроизводит картинку, подобие мира, будучи перед глазами и под рукой. В той его части, этого мира, которая в силу своей стихии – воды, и ее обитателей – рыб, была бы без этого не перед глазами и не под рукой, добавив к этому, отчуждена и отдалена, возможно, также пугающа, а в силу своей экзотичности и недоступна. И в любом таком случае не контролируема, не подчинена, не приручена и дика.

Иными словами, аквариум создает искусственную, надуманную и придуманную способность «вырвать» из мира природы «водно-рыбный» ее кусок, сделав его для себя ручным, контролируемым, «подручным», собранным, целостным и наблюдаемым. Для этого не надо осваивать не поддающуюся стихию воды, искать разбросанных там и тут представителей водной фауны-флоры, не говоря обо всем остальном. Идея коллекции и каталога, но не законсервированных и умертвленных, прикрепленных к местам для доступности обозрения экземпляров, а живые живых. Подвижных, живущих, плавающих, как на природе, в своем естестве, фиксируемых для все той же доступности четырьмя прозрачными стенками, ограничивающими, ограждающими и одновременно вырывающими их из стихии и мира, в котором они для себя обиходно, нормально живут.

Аквариум, таким образом, в своей мысленной совокупной сложности складывается как представление об ‘отделенности’, ‘доступности наблюдению’, ‘освоенности’, ‘контролируемой принадлежности’ – того, что ‘живое’, ‘природное’, ‘стихии воды’, но ‘собранное’ и ‘подобранное’, исходя из вкуса, предпочтений и интереса, будучи ‘замкнутым’ в одно общее, «сборное», место. Аквариум, иными словами, есть не что иное, как ‘сборник водно-рыбной стихии в ‘раскрашенной’ под свой вкус и желание миниатюре’.

А теперь все это перенесем в сферу «природы» «я», понимая под рыбами, плавающими в аквариуме в воде, наличие способности видеть и проникать стихию своих эмоций, подсознания и первозданного знания (интуиции?), но замкнутую (способность и с ней стихию) в подручном и контролируемом «сборном» месте в четырех прозрачных, аквариумом ограничивающих, стенах. В представленном виде акцент попадает на ‘рыб с водой в аквариуме’, в то время как в нашем примере следовало бы дать их в другом порядке – аквариум с водой, в котором и в которой плавают

рыбы, и тогда это был бы 'аквариум-вода-рыбы', как единый, целостный имажинативный образ, воспринимаемый во время сна и соответствующим образом далее объясняемый.

С указанным в предыдущем абзаце акцентом представленное выглядело бы таким образом, что ведущим мотивом были бы не способность видеть и проникать и не стихия внутреннего, исходно не подконтрольного и не подчиняемого «я», а та «форма», которая, задаваясь и навязываясь с его стороны, исходя от него, создаваясь им умственно, «держит на привязи», под контролем, то, что составляет сферу стихии эмоций и интуиции, стихию «воды». Подавление этих эмоций, продуманность и спланированность эмоциональной жизни следуют из того, что они предстают как загнанные, залитые в эту форму, искусственно созданную, поскольку состоящую из четырех стенок, что находятся под наблюдением, поскольку стенки эти прозрачны. Ограничение и оторванность, отгораживание, отказ от действительности выступают как следствие удовлетворенности созданным положением вещей, искусственным миром, точнее, мирком. Как следствие предпочтения жизни природного своего естества жизнь того же природного естества, но прирученного, замкнутого, питаемого и управляемого. Все это интерпретируется как рассудок, точнее было бы говорить рассудочность. И отсюда то, что проецируется как наиболее вероятный для данного положения результат: «Рассудок, однако, не сможет тебе сдерживать убегающей воды, когда аквариум, в конце концов, треснет и твои чувства, совершенно не контролируемые, выйдут наружу». В связи с чем не случаен, по-видимому, вопрос – почему аквариум, в конце концов, может (а возможно, и должен при таком понимании?) треснуть? В чем причина – в отказе ли от действительности с его отгораживанием и изоляцией, в подавлении ли эмоций, которое не может быть бесконечным, в том ли, что невозможно либо не стоит планировать и продумывать эмоциональную жизнь? Поскольку ведь не в аквариуме она, который, если и трескается когда, то это, скорее, не правило, а исключение.

Психологическую подоплеку рассматриваемых соотношений не будем, исходя из своих задач, разбирать. Можно, конечно, предположить, и в этом не следует видеть какого-то отклонения, что внутренняя изоляция и эмоциональное подавление рано или поздно потребуют разрешения и что этот их выход наружу может иметь, в конечном итоге, не контролируемый характер. Чем дольше и более подавляется эта стихия, тем с большей разжимающей силой она может «мстить». Но не об этом речь и не в этом для разбираемого нами предмета стоит искать ответ.

Оттолкнемся от имажинативного образа, его характера и природы. Можно предположить, и мы это сделаем, что 'аквариум' – это такой имажинативный образ, который относится к группе *предупреждающих* образов, к которой, вполне понятно, относится не только и далеко не только он.

Его особенность следовало бы искать в особом рода заряженности, как бы так «взрывоопасности» (но как образа, не предмета), в способности и возможности не выдерживать стенками напора внутри содержимой воды. Особенность эта берется, следуя из его прозрачной стеклянности (как изначальной типичности, поскольку аквариум, прежде всего, предстает для сознания как стеклянный сосуд с четырьмя прозрачными стенками). Мое восприятие стекла, представление, знание о нем закладывает способность лопаться, трескаться, разбиваться, распадаясь на мелкие части, в осколки, как неизменное и для него обязательное, его изначальное свойство. Его характеризующий и определяющий признак. Так же как мыльный пузырь, воспринимаемый как нечто не длящееся и эфемерное, имеющее короткую жизнь, что находит свое отражение и в языке, так и стекло выступает в сознании и для восприятия как то, что непременно когда-нибудь треснет и часто в самый неподходящий момент. Впрочем, такой момент никогда и не может быть подходящим. Из этого следует, что заключенные в таком стеклянном аквариуме чувства, совершенно не контролируемые, выйдут наружу.

Кажимость внутреннего контроля над своей с трудом поддающейся рассудочному упорядочению, частью, точнее, кажущаяся надежность такого контроля, с одной стороны, и изолирующее внешнее проникновение внутрь того же, внутрь той же кажущейся контролируемой части, с другой, на деле оказываются ненадежно недолговременными, хотя и «глухими», составленными из прозрачно-стеклянных и разбиваемых стенок. Как только это произойдет, а это предполагает разбираемый имажинативный образ, вытекающая вода неизбежно выйдет наружу.

И, наконец, в завершение. Смысл содержащегося в образе предостережения состоит, по-видимому, в том, чтобы не иметь, не видеть во сне ‘аквариума’, не оказаться в том положении (*situs'e*), которое с ним и при нем. Психологически можно бы было сказать – не отгораживаться от действительности, не изолироваться, не подавлять эмоций и не планировать, продумывая свою эмоциональную жизнь. Тогда и аквариум не приснится.

Однако не в этом дело и не об этом речь. Попробуем посмотреть на все это с еще одной стороны. Представим себе тот аквариум, в котором вода и рыбы. И тот аквариум, о котором ничего такого подобного не говорится. Не то, чтобы их там не было, но неизвестно, есть они в этом аквариуме или их там нет. То есть это будет аквариум как таковой, в котором как могут быть вода и рыбы, так может в нем их и не быть, но он для них, для содержания их в себе, предназначен. Тем более, что этот второй пример и случай видится более подходящим, поскольку вода и рыбы у Кжижостаняк даются как символы отсылающие, а не как то, что находится в интерпретируемом ею аквариуме. Аквариум, в котором вода и рыбы, с одной стороны, и аквариум, с другой своей стороны, в котором

могут быть, поскольку нередко бывают, и в том его назначение, эти самые вода и рыбы, – одно ли это и то же? Или все же различные вещи?

Отказ от 'аквариума' в себе (определим это как-то так), если он с водой и с рыбами, плавающими в этой воде, не ведет ли, не будет ли предполагать невозможность, точнее не осознаваемую, не видимую, исчезнувшую из поля зрения, возможность видеть и наблюдать своих *рыб* в своей, пусть и ограниченной четырьмя прозрачными и стеклянными стенками, но *воде*? Говоря иными словами, неподконтрольность своих эмоций (отсутствие для них 'аквариума') ведет к невозможности их в себе видеть и осознавать. Подмывает сказать, что это было бы не исключено, но не скажем, поскольку не в этом смысл имажинативно во сне появляющегося 'аквариума'. Его концентрирующие на себе акценты в другом. Он демонстрирует не возможность видеть, а невозможность, точнее, кажущуюся и чреватую «треском», возможность. И не видеть, а подавлять и, ограничивая, планировать, компоновать, упаковывать в четыре стенки, и сдерживать, отгораживаясь и изолируясь в этом своем, «аквариумном» в конечном итоге, пребывании, положении (*situs'e* применительно к состоянию сна), эмоциональной стороны и части своего бытия.

Этот второй аквариум, в котором вода и рыбы не обязательно, но может быть, и есть, в первую очередь, таковой и об этом. Не в воде и не в рыбах в аквариуме состоит разбираемый Кжжжостоняк смысл, а в том, что 'аквариумное' видение во сне есть не что иное, как указание на существующий ограничитель, показатель, видимый, осязаемый знак стеклянной, созданной формы в себе пребывания «я» сновидца. И тогда, возвращаясь к указанному ранее в пунктах 1 и 2 с его разновидностями в (а) и (б), имея в виду уточняющее либо совместное проявление воды и рыб в аквариуме, следовало бы обратить внимание на следующие особенности. С учетом представленного значения аквариума как ограничителя, для 1 это было бы восприятие в том отношении, что 'вода', если видится и имеет место во сне, уточняла бы смысл имажинативного образа как проекцию того, к чему относится ограничение, а 'рыбы' – как скрытую и не используемую возможность, но способную быть запущенной в действие в компоненте, который себя воплощает водой.

Иными словами, коль скоро дело касается действия воды и рыб для лучшего понимания 'аквариума' как имажинативного образа, представляется все это в виде картинки, смысл которой можно было бы определить приблизительно как-нибудь так: 'сдерживание себя, постоянный контроль (аквариум) сковывает не только эмоциональную жизнь сновидца, обедняя и ограничивая ее, но и эмоционально-интуитивную составляющую его «я», блокируя, замыкая ее в четырех стенах (вода в аквариуме), лишая при этом себя самой способности активизирующего взаимодействия с другими сторонами своего существа помимо сознания и рассудка (плавающие

в воде в аквариуме рыбы, лишенные возможности свободного выхода и проявления)’.

Различия в положениях, рождающие различия образов

Не расчленяющий взгляд на аквариум с водой и рыбами как на единое целое, воспринимаемое не как состав (а) и как состав (б) предполагает все то, о чем было сказано, но в разным способом организуемом виде. То и другое, и третье, следовало бы подчеркнуть, в своих отличиях видится не без значения. И дело в этом случае не только и даже не столько в переставляемых туда и сюда акцентах, оно касается самого характера отмечаемого в состоянии сна положения (*situs'a*) для сновидца.

Возьмем для примера две таких ситуации. Меня что-то интересует, что находится на столе, либо на улице, в магазине я ищу определенного человека, нужный мне в данный момент предмет. Все остальное, что окружает искомое, служит способом его локализации, обнаружения, видения. Глаз фиксирует все это как ориентиры, локализующие параметры, определители и характеризаторы, подводящие и наводящие на интересующий и/или искомый объект. Это первая ситуация, определим ее как ситуацию ориентативно-локализирующего интереса и поиска. И вторая, которая будет ситуацией состояния, статального положения (*situs'a*) кого-то и где-то в более или менее продолжительный, а потому на какое-то время длящийся и не проходящий так сразу момент, не минующий и себя не исчерпывающий, связанный с ‘состоянием пребывания’, обусловленный *сенситивно* и *эмотивно*, для пребывающего, и *конфигуративно*, также для пребывающего, но в отношении его этого статального положения.

Представим себе все это указанное как такую ситуацию ожидания на вокзале, которая может себя проявлять, для сидящего и ожидающего, в двух интересующих нас для него положениях. Во-первых, скажем так, в погруженном сидении, с восприятием либо не восприятием (как разновидность, в своем таком проявлении для нас не существенная) всего окружающего без присматривающегося к нему расчленения на состав. Все вокруг каким-то образом действует на сидящего, он реагирует, будь то сознательно, полусознательно, интуитивно, фиксируя видимое и происходящее, но не распределяя в своем восприятии его. Будучи спрошен либо задумавшись над своим положением ожидания, либо в воспоминаниях, он, скорее, прочувствует некое целое окружения, действовавшее и оставившее в его восприятии след какого-то общего впечатления, образа

или картинки в сопровождении звуков, запахов и всего остального. И, во-вторых, такое сидение может быть наблюдательным, вычленяющим по отдельности то и другое, происходящее на вокзале и окружающее его. В этом случае целостность, ибо о ней здесь также следует говорить, будет складываться для него, состоять из моментов либо фрагментов увиденного, услышанного, почувствованного, пережитого и зафиксированного.

Ориентативно-локализирующее обращение к окружению, с вычленением в нем того, что интересует, а всего остального при нем как его уточняющего, будет нам иллюстрировать в имажинативном образе то, что было представлено в пункте 1: действие воды и рыб как уточнителей для аквариума. В определенном смысле будет ему соответствовать, и роль тогда образа будет иметь наводящий (применительно к внутренне побуждаемому поиску), своего рода подсказывающий, характер. Это действие образа было охарактеризовано как 'сдерживание себя, постоянный контроль (аквариум) и т. п.'

Положение ожидания на вокзале в погруженном сидении будет подобным тому, что было представлено в пункте 2а, при котором рыбы, вода и аквариум виделись бы как не расчлененное целое, как аквариум с водой и рыбами в нем и в ней. И тогда речь бы шла не столько о сдерживании себя с постоянным контролем, которые сковывают и пр., сколько о демонстрации внутреннего положения спящего «я» в его таком, а не ином отношении к самому себе. Можно было бы говорить о фиксировании с помощью имажинативного образа непокоящего, не удовлетворяющего внутреннюю природу «я», положения дел, связываемого со сдерживанием и ограничиванием того, что, при условиях благоприятных и располагающих, давало бы ощущение исполнения и полноты. Того положения, которое чревато своими последствиями, если не будет преодолено, в его целом, без фиксирующего уточненного распределения того, что выражается с помощью аквариума, воды в нем и рыб. Смотри и видь такое свое положение. Сопоставляя с позицией на вокзале, можно было бы определить это как-то так, с учетом непозитива: «я вот тут сижу в этом вокзальном для меня неустройстве и балагане, привязанный и пришитый к данному месту и положению, и только теряю время, вместо того, чтобы (что-нибудь там)».

И, наконец, положение ожидания на вокзале в сидении наблюдательном, вычленяющем в его отдельности то и другое вокруг, но без заинтересованного фиксирования на каком-то предмете, при котором отдельности действуют каждая для себя, что-то более, что-то менее раздражает, что-то помнится позднее, а что-то нет. Образ общего складывается из запечатлевающих его, значимых каждая сама по себе картин, в совокупности целого означающих, отмечающих такое, а не другое сидение в ожидании. Можно помнить, воспринимая, вокзал с его неудобными либо занятыми сидениями, отчего приходилось стоять и болела спина. Можно помнить

раздражающий и слишком громкий звук объявлений, кассы с очередями, подозрительных лиц, запахи из буфета и пр., что вместе, в своей расчлененно воспринимаемой и так запомнившейся совокупности, создавало вид того положения, в котором пришлось в ожидании находиться. Это было бы тем, что было представлено в пункте 2б, как единое целое в его разделении на части состава. Применительно к имажинативному образу разбираемого аквариума с водой и рыбами можно было бы говорить о проекции состояния с подавлением эмоций, отгораживания от действительности, при котором важным и значимым оказывается и то, что имеется сдерживающий, ограничивающий к себе самому подход (аквариум), и то, что он себя проявляет, в первую очередь и в основном, в отказе от эмоциональных контактов с другими, в контроле над сферой чувств (вода), и то, что все это сопровождается несвободой, закрепощением, замкнутостью с невозможностью выйти за рамки созданных ограничений всего того, что действует в человеке как медиатор, посредник сферы его импульсива (назовем это как-то так), с его интуицией, внутренним не осознаваемым знанием, ощущением себя, а также того и тех, что вокруг, без рефлексии, без вписывания в придаваемые представления и без оценки (рыбы).

Относящийся к группе *сепаративов* такой ‘аквариум’ (отвлечемся теперь от всего предыдущего по его поводу сказанного), независимо от представленных разновидностей, касающихся природы возможных имажинативных образов на его такой, а не другой какой-то основе, – этот ‘аквариум’ чем бы мог отличаться, если бы отличался, от прочих сепаративов, также определяясь как сепаратив?

Обобщенное и вариантное в ориентирующих представлениях образа

В связи с такой постановкой вопроса движущуюся, подвижную природу рассматриваемого предмета имело бы смысл в каком-то своем приближении упорядочить. Есть некий имажинативный образ, являющийся, объявляющий себя во сне, который может, способен себя проявлять в своих разновидностях как вариантах, с акцентами на том и другом, и как такой, который связывается с контекстными и индивидуальными проявлениями. Понять это можно через соотношение, предполагающее не совпадение и отождествление, а сходный по своему характеру механизм, имажинативного образа сновидения с языковой, скажем лексической, для большей прозрачности, единицы.

Имагинативный образ как таковой, описываемый в словарях толкования сновидений, не конкретизируемый и не привязываемый к своим предципирующим его проявлениям в контекстах, можно было бы представлять, определяя в терминах слова-лексема, т. е. словарной по своему характеру единицы, известной носителям данного языка в наборе своих возможных лексических проявлений – значений, и относящейся в каждом таком значении, также снятом и отвлеченном от своего речевого ситуативного и контекстуального употребления, к разряду, роду, классу однородных предметов, явлений, названиями которых данная единица может использоваться и, соответственно, выступать. Ее отдельное лексическое значение – семема, проявляя себя как то, что способно вести себя как номинативная единица, называя то и другое явление, признак, предмет, может быть уподоблено имагинативному образу в соответствующей конкретизирующей, обозначающей нечто отдельное (способной такое обозначать), своей ипостаси, которая снится, видится, появляясь во сне, точнее способна быть таковой. Соответственно, то, чем она быть способна, что является, видясь во сне, следовало бы уподобить тому, что определяется в лексикологии как употребление слова, его предикация к месту и времени, ситуации и контексту.

На примерах, то, что касается лексики и словесного выражения, отвлекаясь от аквариумной темы, возьмем, скажем, слово *лицо*. Как лексема, лексическая единица, оно предстает для сознания в составе ряда возможных своих проявлений, привязываемых ассоциативно к своей звуковой оболочке, из которых ‘передняя часть головы человека’ будет восприниматься как основная в первую очередь, определяя и соответствующим образом подчиняя себе остальные, которые для нее, рассматриваясь как ее производные, выступают проекциями, функциональными проявлениями по основанию какого-то находимого сходства. Проекции эти становятся тем, что с использованием той же формы, звуковой по природе своей оболочки, может стать обозначением чего-то другого, уже не ‘передней части головы человека’ (1-е лексическое значение слова *лицо* в МАС⁶), а (опуская оттенки значений, помещаемые в словарях за знаком ||) ‘индивидуального облика, отличительных черт кого-, чего-л.’ (*сохранить свое лицо*, 2-е значение), ‘отдельного человека в обществе; индивидуума’ (*известное историческое лицо*, 3-е значение), ‘передней стороны дома, строения, сооружения и т. п.; фасада’ (4-е значение), ‘обращенной наружу (лицевой) стороны чего-л. (ткани, одежды и т. п.); противоп. изнанка’ (5-е значение), ‘грамматической категории, показывающей отношение к говорящему и выражаемой изменением глаголов в соответствующих формах спряжения, а также особой группой местоимений’ (*изменение глагола по лицам*, 6-е значение).

⁶ *Словарь русского языка в четырех томах*. Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. Москва 1981–1984.

Видимым проявлением данной способности обозначать одно через другое становится для разбираемого примера представление о том, что ‘лицо’ – это то, что находится впереди, обращено наружу к смотрящему, наблюдателю, представляя собою часть чего-то большего, что имеет также другие, не «лицевые» стороны. Подобное основание дает себя обнаружить в 4-м (передняя сторона дома), 5-м значении (наружная сторона одежды). Представляясь как то, что обращено к наблюдателю, что дается увидеть, заметить, бросаясь в глаза, данное основание становится проявлением признаков, лежащих в основе 2-го значения (индивидуальный облик, отличительные черты), а также значения 3-го, предполагая, с одной стороны, все ту же индивидуализацию, а с другой, способность с помощью видения, визуального восприятия, отличать одного человека от другого, поскольку, общаясь, взаимодействуя, мы узнаем людей, прежде всего, по лицу. Лицо становится способом идентификации человека, а, тем самым, для восприятия и представления, мысли о нем, также как им самим. Выражением все той же передней, наружной, видимой и воспринимаемой индивидуализации, отличия одного от другого, оказывается и грамматическое, 6-е значение, в отношении форм глаголов и личных местоимений (*я, ты, он, мой, твой* и т. п.).

Тем самым, ‘лицо’ для сознания можно определять как то, что является, видится, воспринимается сразу и в первую очередь, будучи частью всего остального, давая возможность его распознать, отделить, отличить от чего-то другого и прочего, существуя одновременно в том же сознании как образ, слепок, картинка индивидуального знания-представления о нем, позволяющая оперировать им, этим знанием, и, при встрече, контакте, взаимодействии, различать, используя при том же взаимодействии накопленные в нашем сознании и отчасти им выработанные оперативные знания-представления о нем. ‘Лицо’, таким образом, есть в то же самое время и идентификатор и операнд в отношении того, с кем или с чем нам приходится, предстоит, приходилось и предстояло, сталкиваясь и взаимодействуя с ним, вольно или невольно, благополучно или же нет, иметь дело. Это также, иными словами, способ, своеобразная метка и веха, ориентации в окружающем, прежде всего, человеческом мире, населенном такими, как мы.

Представление это, применительно и в отношении для сознания ‘лица’ как того, что используется и фигурирует в нем как идентификатор и операнд, как образ и способ распознавания объекта, мысли о нем и взаимодействия с ним, можно определять как семантическую основу *лица* как лексем, слова как лексической единицы. Основу, которая, с одной стороны, составляет единство ее для сознания, а с другой, проявляет себя, в ее лексико-семантических вариантах, определяемых как ее лексические

значения. Такой же механизм соответствия общего и единого в его проявлениях можно увидеть и в отношении имагинативных образов.

Лексическое значение, семема, называя явления, признаки, действия, состояния, предметы по роду их, воспринимаемому как класс: словом *лицо* в 1-м значении можно назвать любое лицо и как таковое лицо (переднюю часть головы), в 3-м значении – любого человека и человека, индивидуум, как такового и т.п., – в употреблении в речи эту способность переводит, актуализируя и предизируя, в называемый, обозначаемый, подразумеваемый, конкретизируемый объект. Ситуация и контексты такого использования могут при этом не обязательно только словарно возможное и описываемое как общепринятое и общеизвестное, узуальное, предполагать: *Мне хорошо запомнилось его лицо, тонкое, смуглое, с какой-то даже голубизной. Одно нам обоим знакомое лицо приходило сегодня сказать...* В этих примерах предикация и актуализация, предполагающие конкретно обозначаемый и называемый объект ('переднюю часть головы определенного человека' и 'нам обоим известного и также определенного человека'), не отходят от 1-го и 3-го лексического значения, оставаясь в пределах того, что они способны предполагать и выступая проекциями этого знания и значения на нечто не обобщенно, а непосредственно, в его данности, обозначаемое. Семантика такого словоупотребления в денотативно-сигнификативной части своей тождественна той семантике, которая совпадает с семемой.

Однако возможны такие контекстно и ситуативно себя обуславливающие примеры, в которых употребление слова может себя проявлять по-другому: *У собаки было веселое и радостное лицо. Подошел бледный весь, на нем лица нет. Солнце вытянуло из-за горы свое горячее и мокро-соленое лицо. Повернись ко мне теперь левым лицом.* Семантика подобных словоупотреблений не противоречит в целом заложенному в лексеме и ее узуальных лексико-семантических вариантах потенциалу. Если есть у человека передняя часть головы, с ее минами и выражениями, то почему то же самое не может иметь отнесение и к собаке? другому животному? не только животному? Если лицо не выглядит как лицо, изменивши по каким-то причинам свой привычный вид и/или цвет, то почему нельзя это подобным образом обозначить?

С точки зрения действительного положения это вроде абсурд – не может не быть лица на ком-либо, если оно у него имеется. С точки зрения языка и того, что и как я хочу сказать, это не только возможно и допустимо, но узуально и фразеологически закреплено. Если солнце я в речи олицетворяю и представляю к тому же его горячее действие на своем лице, то что мешает мне все это объединить, выразив метафорически-сжатым и емким способом? То же самое позволяет мне выразить отношение к характеру моего восприятия лица у моего собеседника. Правая и левая

стороны, профиль, анфас, поворот, разворот, направление для лица могут иметь, в том числе и отдельные, самостоятельные, не всегда совпадающие значения. Простой вопрос – в профиль и анфас мы видим одно ли и то же лицо? способны ли, не зная, не видя, не представляя, распознавать человека в профиль, если привычно видели всякий раз его только анфас? То же может касаться правых и левых его разворотов, ибо лица, как правило, и это общеизвестно, не симметричны. Что мешает мне выразить это с помощью, может, не слишком обычного, но в целом понятного и не противоречивого словоупотребления?

Во всех этих примерах, обусловленных контекстно и ситуативно, оставаясь в пределах выведенной для единства лексемы основы ('лицо' как 'идентификатор и операнд воспринимаемого и называемого внешнего по своей природе феномена и объекта'), вместе с тем мы отходим от узуальных лексико-семантических ее вариантов (семем), выходя за пределы того, что они, имея в виду, как денотативно-сигнификативные квалификаторы, предполагают. Употребления подобного рода можно себе представлять, если не как индивидуальные (к первым двум приведенным примерам, с собакой и отсутствием на ком-то лица, такое вряд ли можно было бы отнести), то как такие, предикация и актуализация которых, скажем так, затрагивает не только имеющееся в сознании как в словаре (закрепленное знание лексических значений лексемы), но и имеющееся в нем ощущение действия, скрытого потенциала смыслового единства лексемы. Тем более что способность подобного действия, нередко, если не регулярно, встречаясь, поддерживается речевым опытом каждого говорящего. Было бы трудно представить себе все это как-то иначе. Многообразие окружающей нас реальной действительности не может исчерпываться тем, на что способен и что предлагает язык в закрепленных словарно лексико-семантических вариантах своих лексических единиц. Данный исходный и общепринятый как апробированный и конвенциональный кумулятивный набор есть то, что в своем использовании действует наподобие матрицы, которая, накладываясь на обозначаемое с целью не только его передать, но и что-то о нем сообщить, варьирует для сознания в определенных пределах, векторах и соответствиях, как референтную, так и понятийную сторону в отношении единиц своего состава. Конвенционально принятое допускает возможность такого же конвенционального расширения и распространения, с переходом и переносом на что-то другое, на то, чего нет и не было, а возможно также, что и не будет в исходном его составе. Это и есть правило действия живого и действующего языка. Научившись читать на одном каком-то первоначальном тексте, человек начинает читать и другие тексты, разбавляя, разводя, распространяя и расширяя первоначальные свои опыт и знания, обогащаясь и одновременно, при сохранении какой-то основы, затем отходя от этого первого. Этот первый становится

для него не индивидуально-отдельной данностью, а той самой матрицей, о которой речь, обобщением, позволяющим видеть в другом и то что-то самое, и совсем другое.

Нечто подобное, если не идентичное в своем механизме, касательно обобщенного представления о лексической единице, ее вариантах, закрепленных, известных, и выводимо следующих из них, но при этом новых, индивидуальных, необходимо, увидев, вывести и описать для рассматриваемого предмета – имагинативных образов в их схождениях и расхождениях. К этому следовало бы добавить то, что в языкознании производится над словарным составом, дифференцируя и представляя его в семантически, понятийно и тематически организованных группах, имеющих отношение к теории смыслового поля, идеографии, лексико-семантическим классификациям, ассоциативно-вербальным сетям и пр., при которых (то, что будет иметь и для нас значение) отдельные лексико-семантические варианты, т. е. семемы, лексем попадают в разные, не совпадающие понятийно-тематические ряды. Обращаясь к представленному примеру, если *лицо* как ‘передняя часть головы человека’, т. е. лексема *лицо*¹, в первом своем значении, попадает в разряд, имеющий отношение к группе типа ‘части тела и органы’, то *лицо* как ‘индивидуальный облик, отличительные черты’, *лицо*², к этой группе, что вполне очевидно, не может никак относиться, это будут какие-нибудь ‘средства описания, характеристики’, а *лицо*³ (‘отдельный человек, индивидуум’), соответственно, не относясь ни к тому, ни к другому, может оказаться в группе, определяемой как ‘обозначения человека’ и пр.

Применительно к характеризруемому нами ‘аквариуму’ как имагинативному образу, следовательно, можно и следует выделять некий уровень представления, соответствующий тому, который выделяется и отделяется в языке для лексем (1), для ее лексико-семантических вариантов, лексических значений, или семем (2), для ее словоупотреблений в отношении имеющихся и закрепленных в языке и сознании лексико-семантических вариантов-семем (3) и таких, которые, не нарушая их смыслового потенциала, а также основы единства лексем, представляют собой контекстуально-ситуативные и не закрепленные, иногда также окказионально-индивидуальные, речевые использования (4). И все это далее надо будет, претворив, объяснить в отношении существующих для сознания как воспринимаемые и значимые понятийные и смысловые разряды (5). Для нашей задачи это будет определение – *сепаратив* ли ‘аквариум’, и какой из ‘аквариумов’, какого вида и типа *сепаратив*, а какой из ‘аквариумов’ не *сепаратив*, но что-то другое, и тогда что и какого вида и типа того другого. Однако прежде чем попытаться все это как-то по пунктам определить, необходимо рассматривать и изучать все это, равно как и связанное с этим другое, исходя из примеров и представлений самых различных

имагинативных образов, опираясь в таком подходе на существующие в словарях толкования сновидений значения, с выведением той семантической и концептуальной системы, которая за всем этим стоит, понимая под нею структуры, модели и формы (в том числе и языкового) сознания.

Библиография

- Brat'ya Grimm. *Skazki*. Translated by Grigoriy Petnikov. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1978 [Братья Гримм. *Сказки*. Перев. с нем. Григорий Петников. Москва: Художественная литература, 1978].
- Brüder Grimm. *Kinder- und Hausmärchen*. Stuttgart: Heinz Rölleke, 1997 [Göttingen, 1857].
- Chervinskiy, Petr. “‘Gady’ i ‘ryby’ akvariumnogo otobrazheniya (2).” In *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*, no. 5 (2019): 15–33 [Червинский, Петр. “‘Гады’ и ‘рыбы’ аквариумного отображения (2).” *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*, № 5 (2019): 15–33].
- Chervinskiy, Petr. *Prostranstva v snakh. Semantika oriyentatsionnykh motivov*. Ternopol': Krok, 2015 [Червинский, Петр. *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь: Крок, 2015].
- Krzyżostaniak, Marlena. *Sennik. Symbole i marzenia*. Wrocław: Astrum, 1998.
- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh*. Edited by Anastasiya Petrovna Yevgen'yeva. Second Edition – Revised and Expanded. Moskva: Russkiy yazyk, 1981–1984 [Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. Анастасия Петровна Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984].

Piotr Czerwiński – Professor, Dr. habil., works in the Institute of Linguistics at the Faculty of Humanities of the University of Silesia in Katowice. He is a specialist in the fields of semasiology, ethnosemantics, etymology, onomastics and the semantic language of the folklore tradition. Piotr Czerwiński has authored textbooks, dictionaries, monographs and computer courses. Among his academic interests is the broadly understood area of relations between language and consciousness, including its ethnological, linguocultural, linguopsychological and confrontational aspects. This area includes issues of lexicology, word formation, onomasiology, the language of politics, ideology, mass media, poetry, fiction, the usage of modern language, speaking, thinking and teaching methodology. In his publications dealing with the subject of animals, apart from encyclopedic (didactic and ecological), etymological, mythological, historical and cultural, and folkloristic descriptions, the major subjects of his study are: 1) forms of the “animalistic” in man, 2) the image and expression of the conceptual and emotional human being through imagery, mentality and code that can be, and often is, used to characterize animals, 3) animalistic (but not bestial) constant, sometimes understood

as *μεταμόρφωσις* and transcendence – usually a kind of perception, existence and orientation in reality.

Piotr Czerwiński – prof. zw. dr hab., pracownik w Instytucie Językoznawstwa na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. Specjalista w dziedzinie semazjologii, etnosemantyki, etymologii, onomastyki, języka semantycznego tradycji folklorystycznej. Autor podręczników, słowników, monografii, kursów komputerowych. Jego zainteresowania naukowe obejmują szeroko rozumiany obszar powiązań języka i świadomości, w tym również w aspekcie etnologicznym, lingwokulturowym, lingwopsychologicznym, konfrontatywnym. Dotyczy to: problematyki leksykologicznej, słotwórczej, onomazjologicznej, języka polityki, ideologii, środków masowego przekazu, poezji, literatury pięknej, współczesnego uzusu językowego, mówienia, myślenia, metodyki nauczania. W publikacjach poruszających tematy zwierzęce przedmiotem jego rozważań są, prócz opisów encyklopedycznych (dydaktyko-ekologicznych), etymologicznych, mitologicznych, historyczno-kulturowych, folklorystycznych, przede wszystkim: 1) sposób „zwierzęcej” egzystencjonalności w człowieku, 2) wyobrażenie i wyrażenie konceptualnego oraz emocjonalnego człowieka przez obrazowość, mentalność i kod, który może cechować i nierzadko cechuje zwierzęta, 3) animalistyczna (lecz nie bestiarna) stała, rozumiana czasem jako *μεταμόρφωσις* i transcendencja, z reguły będąca sposobem swojego rodzaju percepcji, bytowania i orientacji w rzeczywistości.